
Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований

Бойкина Е.Э., аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (katarinatapfer@gmail.com)

Статья знакомит читателя с основными направлениями в зарубежных исследованиях остракизма и такого родственного феномена, как отвержение. В ситуации остракизма у индивида может быть нарушена одна или несколько фундаментальных потребностей: в контроле, самоуважении, принадлежности и осмысленном существовании, — что вызывает боль и дистресс. Остракизм может вызвать крайне радикальные поведенческие реакции у индивида (массовое убийство невинных людей, обращение к религиозному культу или экстремизму и др.). Хотя наиболее прогнозируемой реакцией на остракизм и родственные феномены являются злость и агрессия, в последние годы все больше исследований говорит о том, что в качестве реакции возможны и просоциальные реакции (рост эмоционального интеллекта, усиление социальной сензитивности, демонстрация социальной мимики с целью усиления аффилиации и установления раппорта).

Ключевые слова: социальное исключение, остракизм, отвержение, радикализация, замещенная агрессия, просоциальное/антисоциальное реагирование, Кибербол.

Для цитаты:

Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 3. С. 127-140. doi: 10.17759/psylaw.2019090310

For citation:

Boykina E.E. Ostracism and related phenomena: review of foreign studies. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 3. pp.127-140. doi: 10.17759/psylaw.2019090310

Из истории остракизма

Слово «остракизм» знакомо человечеству еще с античных времен, когда архонтом Клисфеном, проводившим ряд демократических перемен в Древней Греции, был принят закон об остракизме (506—505 гг. до н. э.). Закон давал право гражданам путем тайного голосования на глиняных черепках (др.-греч. от *ὄστρακον* — «черепок, скорлупа») определить человека, которого народ изгонял из своего общества на 10 лет. Однако,

несмотря на кажущуюся жестокость данной меры, по факту «... остракизм был принят политической системой государства как способ защиты демократии. Охраняя таким образом институт демократии, он стоял на защите свободы слова, прав на активное заявление различных точек зрения и на участие в политической жизни своего государства». [8, с. 633]

Разумеется, остракизм как акт исключения и/или игнорирования имел место задолго до этих исторических событий, поскольку распространен повсеместно: у развитых и только развивающихся наций, в правительственных, религиозных, военных, пенитенциарных и образовательных институтах, среди всех возрастных категорий людей. Более того, остракизм свойственен не только человеческим сообществам, он также наблюдается и у большинства социальных видов животных (например, у приматов, львов, волков, буйволов, пчел). Все это свидетельствует о том, что остракизм весьма распространен и силен, зачастую он необходим для выживания [22].

Интерес психологии к изучению остракизма и такого родственного феномена, как отвержение, берет свое начало в XX веке. Так, еще в 1951 г. С. Шехтер в своем исследовании изменения мнения в групповой дискуссии обнаружил, что «... те, кто выразили несогласие с группой и не делают коммуникативных попыток соответствовать групповому мнению, сталкиваются с исключением из группы» [22, с. 428]. Однако отправной точкой, положившей начало целой серии эмпирических исследований в области игнорирования и исключения, стала вышедшая в 1995 г. в свет работа Р.Ф. Баумайстера и М.Р. Лири «Потребность в принадлежности: Стремление к межличностным привязанностям как фундаментальная мотивация человека» [1]. К концу 90-х гг. возникает целый ряд научных лабораторий, изучающих отвержение (Лири), остракизм (Вильямс), исключение (Баумайстер) [23]. Объединив накопленный опыт эмпирического знания в данном сегменте, в 1997 г. К.Д. Вильямс представляет научному сообществу свою «модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом длительности воздействия» [22; 23]. Именно на модель остракизма Вильямса опираются в своих работах последующие исследователи игнорирования и исключения [5; 10; 11;12; 21].

С годами интерес к изучению данной тематики неуклонно растет. Статистика научных исследований свидетельствует о высоком интересе к изучению данных психологических феноменов на протяжении 30 последних лет: среднестатистическое количество работ ежегодно составляет 630 исследований в год [14].

Актуальность изучения остракизма опосредована запросом общества. Так, по итогам работы Комиссии «Международного общества по изучению агрессии» на второе место (из семи) среди «факторов риска окружающей среды, провоцирующих молодежь к насилию», эксперты поставили фактор «социальное исключение и изоляция», «пропустив» вперед лишь фактор «легкий доступ к оружию» [17, с. 333].

Остракизм, способный вызвать у индивида непредсказуемые реакции, породил у автора статьи ряд вопросов: почему он обладает такой силой воздействия? Каков механизм действия остракизма? Какие типы реакций он может вызвать? К сожалению, отечественная литература не дает нам данных о структуре, типологии, функции данного феномена. На эти, а также на ряд других вопросов мы и попытаемся дать ответ в этой статье.

Понятия «остракизм», «социальное исключение» и «отвержение»

Прежде всего, автору хотелось бы понять, ЧТО современная психология вкладывает в понятие «остракизм». Зачастую в работах и статьях, посвященных изучению воздействия остракизма, социального исключения и отвержения [2; 7; 10; 12; 16; 20], до сих пор нет полной ясности в разграничении этих понятий: описывают ли они разные феномены или фактически синонимичны. Под *остракизмом* Вильямс понимает «быть игнорированным или исключенным» [22, с. 429]. По определению Д.М. Твендж, *социальное исключение* означает «быть исключенным, в одиночестве или изолированным — иногда с явной декларацией неприязни, а иногда без нее» [там же]. Д.Дж. Хоус употребляет понятие «социальное исключение» в качестве полного синонима понятия «остракизм» [19, с. 599]. Отвержение, по мнению Лири, происходит «в виде заявления индивида или группы о том, что они (больше) не хотят взаимодействовать или находиться в обществе того или иного субъекта» [22, с. 429]. Несмотря на перечисленные выше частные особенности и продолжающиеся попытки более четко разграничить эти понятия (И. Райхерт, К. Конопка, Л.Р. Хьюсманн) [см. обзор: 15, с. 417], на сегодняшний день остракизм понимается в качестве двухфакторного феномена: как акт игнорирования и/или исключения, а отвержение, также как и травля (буллинг), рассматривается в качестве родственного остракизму феномена [15; 22; 25].

Типология остракизма

На первый взгляд создается впечатление, что остракизм как акт игнорирования и/или исключения это некое наблюдаемое, как, например, травля (буллинг), всеми участниками взаимодействия действие (объектом — остракируемым, субъектом — тем, кто подвергает кого-либо остракизму, и наблюдателями ситуации остракизма). В реальности мы порой не замечаем и потому не отдаем себе отчет в том, что подвергаем кого-то остракизму. Данный тезис подтверждается типологией остракизма, сформулированной Вильямсом [10, с. 433].

Псевдо-остракизм: поведение субъекта ошибочно интерпретируется объектом как остракизм (например, индивид приветствует проходящего мимо человека, а последний не видит или не слышит приветствующего, при этом индивид полагает, что это намеренно).

Ролевой остракизм: остракирование предписывается нормами и ролями самой ситуации (например, игнорирование официанта, который подливает воду в бокал или убирает посуду).

Караящий остракизм: остракизм применяется с целью наказания или индикации неодобрения (например, для контроля членов группы, которые своим девиантным поведением или стигматизированным статусом представляют угрозу для коллектива или для мотивации отдельных членов группы к изменению ими их нежелательного или неприемлемого поведения). Игнорирование как дисциплинарная мера часто используется также и в педагогике. В иностранной педагогической литературе такой метод получил название «тайм-аут», обозначающий «непродолжительный период времени, в течение которого ребенок игнорируется или исключается» с целью корректировки его поведения [22, с. 440]. В этом контексте «тайм-аут» может рассматриваться как социально приемлемое использование остракизма.

Защитный остракизм: индивиды подвергают остракизму другого человека в целях защиты (например, чтобы самим не стать мишенью остракизма).

Ненамеренный остракизм: субъект не замечает объект остракизма, поскольку полагает, что объект не стоит его внимания или вообще не подозревает о его существовании (такое часто происходит при несоответствии в статусах субъекта и объекта: поп-звезда—фанат, король—подданный).

С учетом приведенной выше типологии с большой долей уверенности можно выделить некоторые основные черты остракизма: адаптивность (служит для выживания, коррекции); тотальность (объектом остракизма в тот или иной момент времени может стать любой индивид и любое количество раз); несбалансированность в восприятии (субъект может не воспринимать действие как (намеренный) остракизм, а объект может воспринимать его как остракизм).

Очертив примерный абрис феномена остракизма, можем поставить следующий вопрос: каков механизм остракизма? В какой последовательности он разворачивается.

Исследования физиологических реакций организма на остракизм

По мнению таких исследователей остракизма, как Вильямс, Задро, Зволински [22; 25], в случае остракизма у людей рефлекторно приводится в действие «система раннего обнаружения признаков того, что человек в данный конкретный момент подвергается игнорированию или исключению» [22, с. 124]. В этой связи ряд ученых проводили исследования возможных физиологических реакций организма на ситуацию игнорирования и/или исключения [см. обзор: 22, с. 433]. К примеру, в 2000 г. Л.Р. Страуд с коллегами на основе собственного метода симуляции ситуации исключения и отвержения «Йельский интерперсональный стрессор» зафиксировали у остракируемых участников значительный рост артериального давления крови и уровня гормона кортизола [22].

Помимо нейроэндокринных реакций исследователями изучались также реакции головного мозга на ситуацию остракизма. В 2003 г. Н. Айзенбергер с коллегами провели лабораторные исследования остракизма с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии в процессе игры участников эксперимента в Кибербол¹ [4]. Результаты исследования показали, что «вне зависимости от того, был ли остракизм намеренным или ненамеренным, он во всех случаях вызывал активацию участка дорсальной передней поясной коры, который является в головном мозге индикатором физической боли» [22, с. 433]. Данные эксперимента Айзенбергер позднее были подтверждены в экспериментах Э. Де Вотер с коллегами, которые изучали нейронные реакции головного мозга подростков на социальное исключение с учетом их статуса в среде своих сверстников [9].

Подобные исследования, предоставляющие данные о физиологических реакциях индивида на исключение/игнорирование/отвержение, служат лишним доказательством наличия у индивида «системы раннего обнаружения» признаков остракизма. Иными словами, феномен остракизма вызывает обязательную рефлекторную реакцию (будь то активация дорсальной передней поясной коры головного мозга или, в некоторых случаях, выброс гормона кортизола). Кроме этого, данные приведенных выше исследований дают нам понимание того, что остракизм вызывает боль.

¹ *Кибербол* (Cyberball) — компьютерная игра по перекидыванию мяча, предполагающая искусственное создание ситуации исключения/игнорирования какого-либо игрока (автор-разработчик К.Д. Вильямс).

Как мы реагируем на остракизм?

Согласно модели остракизма Вильямса (1997), существует три стадии разворачивания реакции на остракизм [16; 22; 24].

1-я стадия — *рефлекторная*. Как только индивиды обнаруживают признаки остракизма, они могут ощутить боль, почувствовать печаль, злость, у них снижается уровень удовлетворенности одной или нескольких фундаментальных психологических потребностей (в принадлежности, самоуважении², контроле, осмысленном существовании). При этом степень воздействия остракизма и родственных феноменов на индивида не только обнаруживается на уровне самоотчета, но и физически осязаема [см. например, исследования Айзенбергер: 4].

2-я стадия — *рефлексивная*. Индивиды пытаются найти смысл в том, почему они подвергнуты остракизму, стараются как-то справиться с «социальной раной». Именно на этой стадии происходит принятие решения о стратегии реагирования.

3-я стадия — *принятия*. Данная стадия наступает в том случае, если процесс остракизма принимает длительный (хронический) характер. В этом случае индивид может страдать от чувства отчуждения, впасть в депрессию, испытывать беспомощность и никчемность.

Согласно модели остракизма Вильямса, при переходе на вторую стадию остракизма, индивид «выбирает» стратегию реагирования. Поначалу исследователи предполагали наличие некоей дихотомии реакций: только просоциальных или антисоциальных. В работах последних пяти лет авторы исследований, как правило, учитывают и третий вариант поведенческих реакций. В своем исследовании Р. Вельфер и Г. Шайтхауэр говорят о просоциальных, антисоциальных реакциях и *реакции избегания* [24]. Позднее другая группа исследователей (Д. Рен, Э.Д. Вассельманн, К.Д. Вильямс) пишут: «Индивиды, подвергаемые остракизму, зачастую реагируют в русле двух паттернов поведения: антисоциальными поступками («наброситься») или просоциально («подстроиться»). Недавно мы добавили в данную модель третий вид поведенческой реакции: *уход от ситуации*» [16, с. 34]. К сожалению, данных об исследовании стратегии избегания нами обнаружено не было, и в данной статье мы рассмотрим изучение только антисоциальных и просоциальных реакций на данный феномен.

Антисоциальные реакции

В отличие от травли (буллинга), который характеризуется объективно наблюдаемыми внешними признаками, как, например, вербальная (оскорбления) и физическая (пинки, избиения) агрессия, внешние признаки остракизма индивида могут не быть явными, как для субъекта остракизма, так и для окружающих (как, например, в случае ненамеренного или ложного остракизма), но иметь при этом непропорционально высокую степень реакции индивида: проявление прямой агрессии или аутоагрессии, обращение индивида к радикализму или экстремизму. Яркими примерами такого дисбаланса между стимулом (исключение/отвержение/игнорирование) и реакцией (выбранная ответная

---

² в данном случае понятие «самоуважение» (в исходном варианте «self-esteem») следует понимать более широко — как самооценку индивида, его степень уверенности в себе на момент погружения в ситуацию остракизма (прим. автора).

стратегия) могут служить такие явления, как «schoolshooting» (школьная стрельба), «schoolmassacre» (школьная бойня), «Columbine» (Колумбайн³). В работе по анализу 15 случаев стрельбы в школах США, произошедших с 1995 г., Лири с коллегами обнаружили свидетельства того, что демонстративное или хроническое социальное отвержение в форме остракизма, буллинга и/или отказа в романтических отношениях было основным влияющим фактором в 12 (80%) случаях [16]. Исследования преступления Мартина Браэнта, который в 1996 г. убил 35 человек в популярном парке развлечений «Порт Артур» (Тасмания), предполагают, что он чувствовал себя одиноким и изолированным. Ф. Зоммер, В. Лейхнер и Г. Шайтхауэр проанализировали «...126 случаев "школьной стрельбы" из 13 стран, сфокусировав свое внимание на роли социальной динамики накануне нападений. В общем и целом, они обнаружили свидетельства тех или иных форм отвержения сверстниками или исключения примерно в 70% случаев» [16, с. 34].

Как предполагают современные исследования за последние 10—15 лет [10; 12; 16; 22], остракизм и другие формы социального исключения часто ведут к поведенческим изменениям, заключающимся в получении социального одобрения, и росту вероятности социального приятия и инклюзии. «Остракизм может вызвать настолько сильное желание иметь принадлежность, нравиться кому-то одному или многим, что способность индивидов отличать добро от зла может быть нарушена так сильно, что они готовы примкнуть к любой группе, которая их примет, даже к культам или экстремистским группам» [22, с. 428]. При этом, как пишет Вильямс, исследования также поддерживают наличие связи между «быть объектом остракизма» и «наметить других в качестве объекта насилия» [22, с. 427].

Подтверждение вышесказанному мы находим и в литературном обзоре Рена и коллег: «Остракированные или маргинализованные индивиды особенно подвержены принятию норм, выполнению просьбы и подчинению приказу авторитетного лица. Такая подверженность социальному влиянию делает остракируемых индивидов вероятными целями для вербовки экстремистскими группами, такими как террористические группировки и культы» [16, с. 35]. Как пример: один из террористов, застреливший в 2015 г. в Париже 90 человек, Фуэд Мохамед-Аггад, прежде чем встать на путь радикализации был отвергнут как кандидат на службу в армии и полиции.

Более глубоко к теме изучения пусковых механизмов антисоциального реагирования на остракизм, а именно радикальных реакций индивида, обратилась в своем недавнем исследовании М. Пфундмайер. Исследователь выдвинула гипотезу о том, что «... остракизм может запускать террористические аттитюды и соответствующие поведенческие интенции» [12, с. 2]. Анализ результатов ряда экспериментов позволил сделать вывод о том, что в ситуации остракизма, в отличие от ситуации включения, индивиды позволяли себе выбор антисоциального сценария действий, в частности, нанесение материального ущерба. По результатам серии экспериментов взаимосвязь «... между остракизмом и желанием нанести ущерб собственности под эгидой террористической группы была опосредована ощущением недостатка контроля» [12, с. 10]. Подводя итоги, Пфундмайер делает акцент на том, что, хотя исследование и выявило наличие взаимосвязи между остракизмом и радикализацией, остракизм является всего лишь одним из многих факторов, иллюстрирующих сам процесс радикализации.

³ В данном контексте речь идет о массовом убийстве в школе «Колумбайн» 20.04.1999 г. (36 школьников ранены, 13 — смертельно; нападавшие школьники застрелились) (прим. автора).

В ключе анализа антисоциальных реакций на остракизм целесообразно упомянуть также и об исследовании внутригрупповой враждебности в ситуации исключения/игнорирования [18]. Основной фокус исследования был направлен на изучение реакций в зависимости от статуса того, КТО подвергает индивида остракизму (члены ин- группы или аут-группы). Опираясь на положения «теории угрозы социальной идентичности» (Н.Р. Бранскомб, Н. Элемерс, Р. Спирс, Б. Досж) [цит. по: 18, с. 830], Дж. Шаафсма и К.Д. Вильямс предположили, а затем и подтвердили эмпирически, что в зависимости от принадлежности субъекта к ин- или аут-группе реакции индивида, подвергаемого остракизму, скорее всего будут разными. Исключение членами аут-группы порождает совершенно иную угрозу социальной идентичности индивида, чем исключение членом ин-группы. В рамках своей теории Бранскомб с коллегами выделили четыре вида угроз: угрозу субъективной классификации (т. е. быть классифицированным по какому-то признаку против своей воли), угрозу самобытности (групповая самобытность или не допускается, или нарушается), угрозу ценности социальной идентичности (нарушение групповой ценности), угрозу принятия (позиция индивида в группе подрывается). Как установили Шаафсма и Вильямс, в случае остракизма со стороны члена аут-группы люди могут подумать, что стали жертвами предрассудков или расизма и, соответственно, воспримут остракизм в качестве угрозы субъективной классификации. Если индивид исключается/игнорируется членами ин-группы, то более вероятно, что это вызовет нарушение потребности в принятии. В этом случае люди могут испытать неуверенность относительно своего положения в группе [18, с. 830].

По результатам другого исследования (К.-Т. Пун, Ф. Тенг), важным фактором, влияющим на проявление или торможение агрессии в ситуации остракизма, является приверженность к соблюдению правил [13].

Вопрос детерминированности причин того или иного вида антисоциального реагирования на остракизм изучался исследователями не только с точки зрения влияния внешних стимулов, но и с точки зрения индивидуальных различий объекта. Так, в своем мета-анализе Дж. Гербер и Л. Вилерпишут о «... существовании неких индивидуальных различий, которые либо усиливают, либо снижают степень агрессивности реакции на исключение» [15, с. 418], среди которых называют: нарциссизм (Б.Дж. Бушман, Р.Ф. Баумайстер, Д.М. Твендж), восприятие собственного превосходства (Л.А. Кикпатрик и коллеги), сензитивность к отвержению (О. Айдык и коллеги) и др. [см. обзор: 15].

Одним из исследований, изучавших фактор индивидуальных различий объекта остракизма, стала работа И. Райхерт, К. Конопки и Л.Р. Хьюсманна. За основу базовой методологии исследования ученые взяли идею А. Фракжека о существовании трех паттернов «готовности к агрессии» [6]. Целью исследования стал поиск ответа на вопрос «Почему остракизм иногда вызывает более сильное, а иногда более слабое агрессивное поведение?» [15, с. 418]. Результаты исследования показали, что индивиды с высокими показателями эмоционально-импульсивной готовности к агрессии, характеризующейся высокой предрасположенностью к гневу и низким самоконтролем, демонстрируют более агрессивное поведение в ситуации остракизма по сравнению с индивидами с персонально-имманентной или привычно-когнитивной готовностью к агрессии, либо имеющими низкие показатели эмоционально-импульсивной готовности к агрессии. Данное исследование показало, что помимо того, что остракизм вызывает агрессивную реакцию по отношению к источнику остракизма, он также вызывает и замещенную агрессию — агрессию, направленную на не причастных, невинных лиц.

Просоциальные реакции

В вопросе дефиниции понятия «просоциальная реакция» мы придерживаемся формулировки, предложенной Вильямсом, который употребляет понятие «просоциальный» в «... в широком смысле этого слова, включающим не только готовность индивида помочь, но и поведение, призванное укрепить межличностные связи» [22, с. 439]. Рассуждая далее, Вильямс делает важный акцент на то, что в попытке быть принятым социумом индивиды могут стать легкими целями для социального манипулирования [10].

Несмотря на то, что на данный момент результаты исследований обнаруживают наличие тесной связи между остракизмом и агрессией [7; 10; 16; 22], ряд исследований [2; 3; 20] показывает, что остракизм может усилить и просоциальное поведение. В ситуации остракизма индивиды зачастую реагируют более просоциально, чем индивиды в ситуации включения, а именно: они более сосредоточены на реинклюзии, например, проявляя большую заинтересованность в работе над групповыми задачами (по крайней мере, участники из числа женщин) [см. обзор: 20, с. 1].

Корень данных противоречий, по мнению ученых, возможно, кроется в том, что люди выбирают различные направления действий в зависимости от того, какие потребности они стремятся укрепить [20]. Д. Рен, Э.Д. Вессельманн и К.Д. Вильямс полагают, что реагирование в агрессивном ключе, наверное, будет предпочтительнее, когда подвергшиеся остракизму индивиды стремятся усилить свои потребности в контроле и осмысленном существовании, а если индивид желает восстановить нарушенные потребности в принадлежности и самоуважении, просоциальное поведение, вероятно, будет предпочтительным [16].

Немного под иным углом зрения взглянула на эту проблему Э.Де Боно в своем исследовании [3], выдвинувшая и затем подтвердившая гипотезу о том, что выбор индивидом антисоциальной или просоциальной реакции на ситуацию исключения и/или игнорирования зависит от того, КАК индивидом воспринимается причина его социального исключения. Следующее исследование, хоть и не изучает просоциальные реакции индивида на остракизм как таковые, но все же любопытно с той точки зрения, что рассматривает остракизм, трактуемый, как правило, в негативном поле, в качестве возможного развивающего фактора. Основная гипотеза исследования Элейн О'Ченг состоит в том, что, «... хотя исключение может наносить ущерб когнитивным формам интеллекта, оно может также и способствовать развитию социально значимых форм интеллекта, таких например, как эмоциональный интеллект» [2, с. 3].

По мнению Вильямса, представленного в его обзорной работе по остракизму, существует немало исследований, доказывающих наличие просоциальных, или, как он их называет, «улыбнись-и-подружись» реакций, на ситуацию исключения и/или игнорирования [22]. Так, индивиды после игры в Кибербол были более подвержены неосознаваемой мимикрии человеку, с которым они беседовали, особенно если этот человек являлся членом его ин-группы. При этом неосознаваемая мимикрия демонстрировалась индивидами с целью аффилиации и установления раппорта (Lakin, Chartrand, 2003, 2005). Намеренная, стратегически предпринимаемая мимикрия в виде поведения «добропорядочного гражданина» чаще демонстрировалась перед лицом угрозы потенциального отвержения или реального отвержения в условиях дилеммы неиссякаемых общественных благ (Outwerkerk и коллеги, 2005). В другом исследовании, демонстрируя «бесстрастное лицо», непроницаемое выражение лица, аутичным детям, которые обычно

избегали визуального контакта и иного социально ориентированного поведения, ученые обнаружили, что даже единичный случай «бесстрастного лица» приводил к визуальному контакту и социальному вниманию у ребенка-аутиста (Nadel, 2005). Предполагается, что для аутичных детей достаточно проявления невнимания со стороны взрослого для того, чтобы запустить, по крайней мере, хотя бы временно, триггер социализации [см. обзор: 22, с. 441—442].

Заключение

Исследования остракизма и родственных феноменов последних трех десятилетий вне всякого сомнения внесли свой значительный вклад в расширение теоретико-эмпирического знания психологии в целом. Ученые установили, что в случае остракизма у людей рефлекторно приводится в действие «система раннего обнаружения» признаков того, что индивид в данный конкретный момент подвергается игнорированию и/или исключению; он испытывает боль и ощущает угрозу фундаментальным потребностям в контроле, самоуважении, принадлежности и осмысленном существовании. Благодаря типологизации данного феномена, Вильямсом теперь мы знаем, что остракизм весьма распространен и что люди могут подвергаться исключению и/или игнорированию ежедневно. Ученые активно изучают детерминированность реакций на остракизм, причины, по которым индивид выбирает одну из стратегий реагирования: антисоциальную, просоциальную и, на сегодняшний день малоизученную, стратегию избегания [10, 22].

Как это ни парадоксально, но чем больше психология «узнает» о феномене остракизма, тем больше возникает вопросов, требующих дальнейших исследований в этом направлении. Так, за последние пять лет исследователи в своих работах обратились к неизученным ранее ракурсам остракизма: изучению этого феномена с позиции субъекта и наблюдателя (викарный остракизм) [11; 21]. В свете актуальной геополитической обстановки современного мирового сообщества все чаще остракизм изучается как один из факторов, способствующий радикализации индивида [12; 18].

Несомненной новизной в исследовании данного феномена стало бы его активное изучение в реалиях нашей страны, учитывая ее культурно-историческую формацию, поликонфессиональность и многонациональность, все большее «погружение» России в виртуальные коммуникационные сети и другие факторы. На наш взгляд, активный рост интереса в отечественной психологии к изучению процессов игнорирования и/или исключения потенциально опосредовал бы решение проблемы недостаточности отечественной методологической базы исследования данного феномена, которую мы, к сожалению, имеем на сегодняшний день.

Литература

1. *Baumeister R.F., Leary M.R.* The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Электронный ресурс] // *Psychological Bulletin*. 1995. Vol. 117. Iss. 3. P. 497—529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
2. *Cheung E.O.* Simple-minded or Socially Savvy? An Examination of How Social Exclusion Influences Emotional Intelligence [Электронный ресурс] // *ProQuest Dissertations & Theses Global* (дата обращения: 02.02.2018).
3. *DeBono E.* Why am I left out? Interpretations of exclusion affect anti-social and pro-social behaviours. [Электронный ресурс] // *ProQuest Dissertations & Theses Global*

(дата обращения: 02.03.2018).

4. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion [Электронный ресурс] // Science. 2003. Vol. 302. P. 290—292. doi:10.1126/science.1089134
5. Exclude Me if You Can: Cultural Effects on the Outcomes of Social Exclusion [Электронный ресурс] / M. Pfundmair [et al.] // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2015. Vol. 46. Iss. 4. P. 579—596. doi:10.1177/0022022115571203
6. Frączek, A., Konopka, K., & Dominiak-Kochanek, M. Patterns of readiness for interpersonal aggression: cross-national study on sex difference. [Электронный ресурс] // www.researchgate.net. 2016. P. 33—50. URL: https://www.researchgate.net/publication/306120091_Patterns_of_readiness_for_interpersonal_aggression_A_cross-national_study_on_sex_difference (дата обращения: 23.04.2018).
7. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior [Электронный ресурс] / J.M. Twenge, [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. № 6. P. 1058—1069. doi:10.1037//0022-3514.81.6.1058
8. Malkopoulou A. Ostracism and democratic self-defense in Athens [Электронный ресурс] // Constellations. 2017. Vol. 24. P. 623—636. doi:10.1111/1467-8675.12285
9. Neural responses to social exclusion in adolescents: Effects of peer status [Электронный ресурс] / E. de Water, [et al.] // Cortex. 2017. Vol. 92. P. 32—43, doi:10.1016/j.cortex.2017.02.018
10. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] / J.B. Nezlek [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 432—451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
11. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism [Электронный ресурс] / S.L. Gooly [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 410—431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
12. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Электронный ресурс] // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. P. 1—15. doi:10.1080/19434472.2018.1443965
13. Poon K.T., Teng F. Feeling unrestricted by rules: Ostracism promotes aggressive responses [Электронный ресурс] // Aggressive behavior. 2017. Vol. 43. P. 558—567. doi:10.1002/ab.21714
14. ProQuest Dissertations&Theses Global [Электронный ресурс] // URL: <https://ebs.mgppu.ru:5389/socialsciences/results/9E52D1B997914646PQ/1?accountid=35419#> (дата обращения: 14.04.2018).
15. Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression [Электронный ресурс] // Current Psychology. 2017. P. 417—427. doi:10.1007/s12144-016-9430-6
16. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression [Электронный ресурс] // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P.

34—38. doi:10.1016/j.copsyc.2017.03.026

17. Risk factors for youth violence: Youth violence commission, International Society For Research on Aggression (ISRA) [Электронный ресурс] / B.J. Bushman [et al.] // *Aggressive Behavior*. Vol. 44. P. 331—336. doi: 10.1002/ab.21766
18. *Schaafsma J., Williams K.D.* Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism [Электронный ресурс] // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 829—837. doi:10.1016/j.jesp.2012.02.015
19. The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes [Электронный ресурс] / D.J. Hawes [et al.] // *European Journal of Developmental Psychology*. Vol. 9. Iss. 2. P. 599—613. doi: 10.1080/17405629.2011.638815
20. *Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D.* Motivations for responses to ostracism [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology. Cognitive Science*. 2015. Vol. 6. P. 1—5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
21. *Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H.* Vicarious ostracism [Электронный ресурс] // *Frontiers in human neuroscience*. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1—3. doi:10.3389/fnhmn.2013.00153
22. *Williams K.D.* Ostracism [Электронный ресурс] // *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425—452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
23. *Williams K.D., Nida S.A.* Ostracism: Consequences and Coping [Электронный ресурс] // *Current Direction in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. Iss. 2. P. 71—75. doi: 10.1177/0963721411402480
24. *Wölfer R., Scheithauer H.* Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Электронный ресурс] // *Journal Social Influence*. Routledge. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217—236. doi:10.1080/15534510.2012.706233
25. *Zwolinski J.* Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism [Электронный ресурс] // *Aggressive behavior*. Wiley. 2012. Vol. 38. P. 108—125. doi:10.1002/ab.21411

Ostracism and Related Phenomena: Review of Foreign Studies

***Boykina E.E.**, Graduate, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, MSUPE, Moscow, Russia (katarinatapfer@gmail.com)*

The article gives a review on key directions of ostracism and social shunning in foreign studies. In the context of ostracism the satisfaction of one or few fundamental individual needs may be limited: needs of control, self-respect, affiliation and meaningful existence - causing pain and distress. Ostracism can cause extremely radical behavioral reactions of an individual (mass murder of innocent people, conversion to a religious cult or extremism, etc.). Although anger and aggression are the most predicted reaction to ostracism and related phenomena in recent years more and more studies have shown that prosocial reactions are possible as a response, i.e. increased emotional intelligence, increased social sensitivity, demonstration of social mimicry in order to enhance affiliation and establishment of rapport.

Keywords: social shunning, ostracism, rejection, radicalization, substituted aggression, prosocial response, antisocial response, Cyberball.

References

1. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // *Psychological Bulletin*. 1995. Vol. 117. Iss. 3. P. 497—529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
2. Cheung E.O. Simple-minded or Socially Savvy? An Examination of How Social Exclusion Influences Emotional Intelligence // *ProQuest Dissertations & Theses Global* (Accessed 02.02.2018).
3. DeBono E. Why am I left out? Interpretations of exclusion affect anti-social and pro-social behaviours. // *ProQuest Dissertations & Theses Global* (Accessed 02.03.2018).
4. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion [Электронный ресурс] // *Science*. 2003. Vol. 302. P. 290—292. doi:10.1126/science.1089134
5. Exclude Me if You Can: Cultural Effects on the Outcomes of Social Exclusion [Электронный ресурс] / M. Pfundmair [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. Vol. 46. Iss. 4. P. 579—596. doi:10.1177/0022022115571203
6. Frączek, A., Konopka, K., & Dominiak-Kochanek, M. Patterns of readiness for interpersonal aggression: cross-national study on sex difference. [Электронный ресурс] // www.researchgate.net. 2016. P. 33—50. URL:

-----
https://www.researchgate.net/publication/306120091_Patterns_of_readiness_for_interpersonal_aggression_A_cross-national_study_on_sex_difference (Accessed 23.04.2018).

7. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior / J.M. Twenge, [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 81. № 6. P. 1058—1069. doi:10.1037//0022-3514.81.6.1058
8. Malkopoulou A. Ostracism and democratic self-defense in Athens // *Constellations*. 2017. Vol. 24. P. 623—636. doi:10.1111/1467-8675.12285
9. Neural responses to social exclusion in adolescents: Effects of peer status / E. de Water, [et al.] // *Cortex*. 2017. Vol. 92. P. 32—43, doi:10.1016/j.cortex.2017.02.018
10. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] / J.B. Nezlek [et al.] // *The Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 155. P. 432—451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
11. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism / S.L. Gooly [et al.] // *The Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 155. P. 410—431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. P. 1—15. doi:10.1080/19434472.2018.1443965
12. Poon K.T., Teng F. Feeling unrestricted by rules: Ostracism promotes aggressive responses [Электронный ресурс] // *Aggressive behavior*. 2017. Vol. 43. P. 558—567. doi:10.1002/ab.21714
13. ProQuest Dissertations&Theses Global // URL: <https://ebs.mgppu.ru:5389/socialsciences/results/9E52D1B997914646PQ/1?accountid=35419#> (дата обращения: 14.04.2018).
14. Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression [Электронный ресурс] // *Current Psychology*. 2017. P. 417—427. doi:10.1007/s12144-016-9430-6
15. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 34—38. doi:10.1016/j.copsyc.2017.03.026
16. Risk factors for youth violence: Youth violence commission, International Society For Research on Aggression (ISRA) / B.J. Bushman [et al.] // *Aggressive Behavior*. Vol. 44. P. 331—336. doi: 10.1002/ab.21766
17. Schaafsma J., Williams K.D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 829—837. doi:10.1016/j.jesp.2012.02.015

18. The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes / D.J. Hawes [et al.] // European Journal of Developmental Psychology. Vol. 9. Iss. 2. P. 599—613. doi: 10.1080/17405629.2011.638815
19. Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism // Frontiers in Psychology. Cognitive Science. 2015. Vol. 6. P. 1—5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
20. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism // Frontiers in human neuroscience. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1—3. doi:10.3389/fnhmn.2013.00153
21. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425—452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
22. Williams K.D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping // Current Direction in Psychological Science. 2011. Vol. 20. Iss. 2. P. 71—75. doi: 10.1177/0963721411402480
23. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion // Journal Social Influence. Routledge. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217—236. doi:10.1080/15534510.2012.706233
24. Zwolinski J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism // Aggressive behavior. Wiley. 2012. Vol. 38. P. 108—125. doi:10.1002/ab.21411